

Т.С. САДОВА,
А.А. СОЛДАЕВА
Санкт-Петербург

Загадка и сногадание: культурные коды (Лингвистические заметки для современного школьника)

В статье рассматриваются некоторые общекультурные коды русской народнопоэтической традиции, нашедшие отражение в жанрах загадки и сногадания. По данным языка ряда текстов определяются ценностные компоненты древнейших мифопоэтических представлений русских, сохранившиеся и в современной жизни.

Ключевые слова: *загадка; сногадание; текст фольклорного произведения; культурный код; ценностный компонент культуры.*

Интересны и чрезвычайно познавательны такие формы фольклора, жанровый статус которых предполагает обязательное речевое кодирование («шифровку») окружающего мира. Такова, например, народная загадка, таковы, безусловно, все виды невербального гадания: например, гадание на картах, на кофейной гуще, по руке и др. Несомненной «древностью и устойчивостью» обладают снотолкования [Толстой 1994: 35] или сногадания, которые существуют как в виде развернутого рассказа о сне (сновидческий рассказ), так и двухчастной лаконичной сентенции, сноприметы [Садова 2013: 82], связывающей реальный мир и сновидение (*монеты — к слезам; медведь — к счастью* и под.).

Ученые убеждены, что изначальный древнейший смысл архаичных фольклорных форм состоял в «преодолении хаоса и упорядочении состава мира путем обозначения и именовании каждого его элемента» [Седакова, Толстая 1999: 233]. Интересно, что сами названия рассматриваемых устноречевых жанров — *загадка* и *сногадание* — по признаку номинации восходят к общеславянскому корню (от **gad-ati*) со множеством «говорящих» значений, по данным этимологических словарей отмеченных в разных, и не только славянских, языках: ‘думать’, ‘предположение, подозрение’, ‘находить чутьем’, ‘речь, предположение, вера’ [Фасмер 1996,

1: 381]. Иными словами, перед нами феномены народной культуры, которые содержательно (по самому названию) сводимы к серьезным познавательным операциям речемыслительного порядка.

Загадка и сногадание служат цели «упорядочения мира» своеобразно: загадка шифрует народное представление о реальном предмете или абстрактном понятии:

Длинна, как дорога, коротка, как блоха.
Жизнь [Митрофанова 1968: 52].

Снопримета толкует увиденное во сне как таинственный пророческий знак:

Дорогу видеть — помрет некто; в солдаты возьмут [Ляцкий 1898: 140].

Совершенно очевидно, что мифопоэтические «сюжеты» кодирования мира в рассматриваемых жанрах поразительно схожи: так, в приведенных примерах **образ дороги** метафорически связан и обусловлен устойчивым общекультурным представлением славян о жизни и смерти. Заметим, что семантикой направленного движения, пути, дороги наполнены русские пословицы, загадки и приметы этой тематики:

Жизнь прожить не *поле перейти*; *Дорога, да никто по ней не хаживал, никого за собой не важивал? На тот свет* [Даль 2003, 1: 473]; *Если больной бредит дорогой* (или о конях), *то умрет. Если к дому, где больной лежит, бабы проторят дорогу, то ему умереть* [Там же].

Итак, ключевой элемент текста загадки, как и сногадания, значим и зачастую имеет весьма глубокие общекультурные мотивировки. Загадка принципиально диалогична, чем обусловлена структура ее текста, «состоящего из иносказания (собственно

Садова Татьяна Семеновна, доктор филол. наук, профессор СПбГУ.

E-mail: tatsad_90@mail.ru

Солдаева Анна Александровна, ст. препод. СПбГЭТУ (ЛЭТИ), аспирант СПбГУ

E-mail: a.a.soldaeva@gmail.ru

загадка, вопрос) и его расшифровки (отгадка, ответ)» [Седакова, Толстая 1999: 233]:

Зимой нет теплей, Летом нет холодной. *Печь* [Садовников 1959: 14]; Сидит барыня в амбаре, Не свезешь ее на паре. *Печь* [Там же].

Диалогична по своей природе и снопримета, поскольку имеет обязательные содержательные компоненты: (условно левая) знаковая часть и часть пророческая (условно правая):

Безволосым видеть себя – несчастье [Колосов 1879: 150]; Землю вспаханную видеть – к богатству, заросшую – к бедности [Романов 1889: 54].

Текст любой приметы можно свести к примитивной модели, имеющей, как и загадка, вопросно-ответную структуру: «Что означает увиденное во сне?» – «Увиденное во сне означает N». Однако, в отличие от пророческого знака погодной или бытовой приметы, сноска всегда – элемент иной реальности, а потому назначение сногадания – «навести мосты» между мирами, связать мистическую реальность сна с действительностью:

Кровь видеть во сне предвещает свидание с близкими [Балов 1890: 213]; Полотна видеть во сне предвещает неприятную дорогу [Там же]; Если видишь у себя роскошные волосы и чешешь их, то это означает благополучную дорогу [Харламов 1904: 27].

В загадке зашифровывается тот предмет или то явление, которое, как правило, хорошо всем известно; иными словами, проверяется не знание собственно предмета, но творческая, при этом соотносимая с традиционными представлениями, способность реконструировать **образ** предмета. Тот, кто отгадывает, должен быть внутри, должен быть **своим** в этой культурной общности, чтоб соотносительные ряды «шифр – отгадка» не были для него неожиданными, невозможными:

Какие на свете три кривулины? *Дорога, вода и душа* [Садовников 1959: 248].

И *кривулина* (1) ‘крутой поворот реки, дороги’, 2) ‘деревянная самодельная соха’ [СРНГ 1979, XV: 250]), и *свет*, ‘вселенная, мир, земля наша’ [Даль 2003, IV: 156]), и народный образ «трех кривулин» в традиционной картине мира вполне соотносимы с представленной триадой-отгадкой. Следовательно, система принятых в загадках соотношений для носителя данной

культуры должна представлять нечто узнаваемое, логичное, а это означает, что перед нами культурные коды, имеющие древнейшие мифопоэтические корни.

Для понимания ценностных основ нашей культуры чрезвычайно познавательна и полезна та часть загадок, что «шифрует» ключевые идеи русской картины мира (см.: [Зализняк и др.]). Одна из них, безусловно, значимость имени человека, о чем пишут многие ученые-филологи (см.: [Имя: Семантическая аура 2007]).

В известных сборниках русских загадок находим несколько текстов с отгадкой «Имя», причем в левой, вопросной, части текста присутствует характерный содержательный оттенок – «ценность имени». Ср.:

Когда душу окрестят, чем ее наградят? – *Имя дадут* [Худяков 2001: 414].

Семантика глагола вопросной части текста *наградят* недвусмысленно указывает на отношение к имени как награде, дарению свыше в процессе обряда крещения. Причем важно, что это награда не человеку, а *душе*. Таким общекультурным значением имя было наделено в древнейшую эпоху, ср.:

имя давати – угождать, благоприятствовать кому [Срезневский 2008, I: 1099].

Ценность имени «находит свое продолжение... в мифологической трактовке некрещеных детей. Ребенок... до получения имени нередко трактуется как животное или демоническое существо... а умерший до крещения... превращается в демона (ночицу, стригу, русалку и т.п.), их души блуждают по свету, плачут и просят “дать им имя”» [Толстая 1999: 408]. Из текста загадки становится ясно, что имя тесно связано с душой человека. Вообще «отождествление “имя – душа” свойственно многим верованиям» [Никонов 1974: 29]. Интересна в этой связи информация о происхождении слова *имя* – от и.-е. предлога **en* ‘в, внутри’, т.е. «имя как обозначение внутренней сущности, того, что *в-кладывается, в-лагается*» [ТСРЯ 2008: 298]. Ср. загадки:

Без чего человеку жить нельзя? – *Имя* [Садовников 1959: 236]; Без чего не может жить человек? – *Без имени* [Рыбникова 1932: 397].

В приведенных примерах актуализируется по крайней мере два характерных для народной традиции признака имени.

Во-первых, это наличие имени у каждого человека; во-вторых — невозможность существования человека без имени, потому что иначе он не принадлежит к миру людей (см. выше: о некрещеных младенцах). Язык приведенных загадок свидетельствует также о том, что, с одной стороны, человек сам не может жить без имени, а с другой — ему нельзя без него существовать, т.е. запрещено. Тексты загадок манифестируют глубокое мифологическое содержание и большое культурное значение имени человека: 1) существует внешняя сила, способная воздействовать на человека в зависимости от наличия или отсутствия у него имени; 2) имя является своего рода оберегом, защищающим своего носителя от воздействия этой силы. Не случайно ребенку часто давали имя-пожелание: «Называя ребенка на том или ином языке Умный, Богатырь, Красавица, Счастливая и т.п., <...> заклиняют судьбу, чтобы ребенок вырос таким» [Никонов 1974: 30]. В русской традиции бывало и наоборот: ребенку намеренно давали порочащее его имя, чтобы отвлечь от него внимание враждебных сил (см.: [Толстая 1999: 412]).

Следующие два примера особенно интересны, поскольку в них одновременно актуализируются противоположные признаки имени — его безусловная ценность и вместе с тем непреложная малость, незначительность, а во втором тексте — откровенная неприглядность:

Мала малышка, золота кубышка, На воде не тонет, на огне не горит и в земле не гниёт. — *Имя* [Митрофанова 1968: 60]; Малышка *колышка*¹, Золота кубышка, На воде не тонет, На огне не горит. — *Имя* [Садовников 1959: 236].

Показательно толкование слова *кубышка* В.И. Далем:

КУБАН <...> *кубышка* ж. узкогорлая посуда с раздутыми боками; <...> кожаный или деревянный дорожный сосуд, для питья. <...> Дуплянка или ларец, для денег [Даль 2003, II: 353].

Из контекста очевидно, что в данном случае имеется в виду ларец для денег. Не случайно в «Словаре русских народных говоров» первое значение слова *кубышка* наравне с 'сосуд' включает в себя замечание о «небольшом круглом или

¹ Колышка, или колыжка, — ком или кучка навозу (Прим. Д.Н. Садовникова).

четырёхугольном ящике, большой коробке для денег», второе же значение, бытующее в говорах — 'кошелек денег' [СРНГ 1979, 15: 387]. В современном русском языке проявлением этого старого значения можно считать хорошо известное выражение *держатъ деньги в кубышке* («о хранении больших денег дома без всякого их использования» [Ожегов 1972: 285]).

Думается, особенного противоречия между указанными признаками не существует: малое по количественному признаку может быть чрезвычайно дорогим по содержанию, это известная антиномия нашей культуры: *Мал золотник, да дорог*. Интересно другое: *золотой кубышкой* называется *имя*, а не его носитель. Возникает ощущение, что ценность человека во многом зависит от имени, подаренного ему свыше. В.Н. Топоров писал об этом вполне определенно:

Имя <...> направлено на само себя не в меньшей степени, чем на человека, и всё время помнит о своей идее, возвращается к ней и являет ее. И, может быть, не столько имя у человека, сколько человек у имени. <...> Имя — та внутренняя сила, которая предназначена определить главное в человеке: входя в него, эта сила становится его свойством, т.е. внутренне и глубоко укорененной и неотъемлемой от него сущью его. <...> Имя не только форма или во всяком случае оно не исчерпывается ею [Топоров 1995: 43].

Как видим, загадки могут рассказать многое о ценностных основах нашей культуры, в зашифрованном виде демонстрируя ее древнейшие коды, которые вовсе не мертвы, как кажется на первый взгляд. Так, имя человека и сегодня — предмет большого и серьезного разговора, причем даже в юридической сфере, о чем свидетельствуют многочисленные публикации о необходимости правового регулирования процесса именования человека. Не последнюю роль в аргументах сторонников этой инициативы играет апелляция к традиции именования в русской (и шире — славянской) культуре (см., например: [Бикейкина 2011]).

Устойчивость культурных кодов, сохранившихся в различных жанрах фольклора, поразительна. Не мертвы, как оказалось, и традиции снотолкования в современной жизни, в городской среде — в том числе (см.: [Разумова 2001]). Так, в сети Интернет XXI в., на различных форумах, широко представлены диалоги сновидцев и «снотолкователей», причем зачастую

современные пророчества звучат в удивительной согласованности с данными народных сонников давно минувших времен. Ср.:

[Вопрос:] К чему снится ребенок? Мальчик? И в следующем сне большая змея, которую я боялась, но она мимо проползла? Бабочка Летунья. Ученик – [Ответ:] Мальчик к прибыли, хорошему, а змея к врагам, но тем, которые еще не пытаются вас ужалить (тихие такие). [<https://otvet.mail.ru/question> – дата обращения 02 марта 2017 г.].

Убить во сне змею – избавиться от врагов [Харламов 1904: 28]; Видеть змею, ужа, ящерицу или лягушку – весьма хорошо, следует ожидать материального благополучия [Никифоровский 1898: 137]; Мальчик снится к прибыли, т.е. в семье появится новый член [Балов 1890: 209].

Для современного российского школьника могут показаться далекими и не имеющими большого значения древнейшие народные представления, однако свойство любой ценностной единицы национальной культуры состоит в том, что она неизбежно «прорастает» множеством смыслов в новой реальности, напоминая о себе и – таким образом – связывая поколения.

Язык фольклора как материал для наблюдений за фактами живой речи может пролить свет на глубинные содержательные константы традиционной культуры, о чем следует помнить и не игнорировать «живую старину».

ЛИТЕРАТУРА

Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях // Живая старина. – Вып. IV. – 1890. – С. 208–213.

Бикейкина Н.А. Лингвоконфликтологическое и юрислингвистическое исследование имени собственного: на материале русских антропонимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2011.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 2003.

Загадки. Памятники русского фольклора / Изд. подготовила В.В. Митрофанова. – Л., 1968.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005.

Имя: Семантическая аура / Отв. ред. Т.М. Николаева. – М., 2007.

Колосов М. Архивные материалы по народному русскому языку и народной словесности // Русский филологический вестник. – 1879. – Т. II. – С. 150–173.

Ляцкий Е. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. – 1898. – № 1. – С. 139–149.

Никифоровский Н.Я. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. – 1898. – № 1. – С. 133–139.

Никонов В.А. Имя и общество. – М., 1974.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1972.

Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. – М., 2001.

Романов Е. Опыт белорусского снотолкователя // Этнографическое обозрение. – 1889. – Кн. 3. – С. 54–72.

Рыбникова М.А. Загадки. – М.; Л., 1932.
Садова Т.С. Когнитивный потенциал русского сонника: текстовые способы выражения обусловленности // Русский язык в школе. – 2013. – № 9. – С. 81–85.

Садовников Д.Н. Загадки русского народа. – М., 1959.

Седакова И.А., Толстая С.М. Загадка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого: В 5 т. – М., 1999. – Т. II. – С. 233–237.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. – Л., 1979. – Вып. 15 [СРНГ].

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. – М., 2003.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2008 [ТСРЯ].

Толстая С.М. Имя // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого: В 5 т. – М., 1999. – Т. II. – С. 408–410.

Толстой Н.И. Толкование снов: беглый взгляд с филологической и этнографической точек зрения // Наука в России. – 1994. – № 3. – С. 33–37.

Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст: В 2 т. – М., 1995. – Т. I. – С. 43–62.

Харламов М. Суеверия, поверья, приметы и заговоры, собранные в гор. Майкопе // Сб. материалов для описания местности и племен Кавказа. – Вып. XXXIV. – Отд. III. – Тифлис, 1904. – С. 1–28.

Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. – СПб., 2001.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М., 1996.